ря». «Титул царя в славенском языке прежде значит, что в немецком языке кениг „король", приемлется же в разуме (т. е. в смысле. — *Ю. С.*) императора, ибо в старинных духовных и светских книгах все короли царями именуются, как то в славенской Библии прежде 700 лет з греческого языка переведено задолго до того, как великие князья российския титул царской употребили».[38] По мысли Сумарокова, для европейских историков своим происхождением слово «царь» обязано испорченным произношением слова «цесарь», знаменовавшим того же короля. В чем-то объяснения Страленберга приближаются к подобному толкованию, когда он со ссылкой на употребление в славянской Библии слова цесарь приходит к заключению, «что Цесарь еже у немцев Kayser, у славян было имя собственное, к фамилиям точию (или вместо прозвания) употребляемое».[39] Именно с подобной позицией и полемизирует в своей заметке Сумароков, когда безапелляционно заявляет: «Сие слово (царь. — *Ю. С.*) не знаменует ни Цесаря, ни Короля, но Монарха. А происходит оно от слова отец, из которого сделано слово Отцарь»[40] Так несколько наивно, но зато в полном соответствии с представлениями Сумарокова о факторах, определяющих исторические предпосылки политических форм власти в России, устанавливается этимология слова «царь». Сумароков и здесь остается верен своей позиции подменять реальное осмысление исторических фактов заключением в них собственного представления об их сущности с точки зрения той сословно выдержанной идеологической доктрины, выразителем которой он неизменно выступал.

Мы уже заметили выше об особой актуальности для Сумарокова-историка московской темы. В переписке его 1760-х гг. эта тема звучит постоянно. Еще до переезда в Москву, куда он окончательно переселяется весной 1769 г., в начальных строках своего письма к графу Г. Г. Орлову от 25 января 1769 г. Сумароков признается, что ему дорога прежняя столица: «Намерен я по силе увольнения моего от должностей отселе переселиться в Москву, яко в отечество российского дворянства...»[41] Он ссылается на материальные трудности своего житья в Петербурге. Кроме того, он видит в Москве своеобразный символ дворянской независимости; здесь ему живется «всегда здоровее». Об особом пристрастии ко всему, что касается Москвы и ее истории, свидетельствует и другое письмо Сумарокова, адресованное к Г.-Ф. Миллеру, от 21 марта 1771 г., в котором он извещал историографа о посылке ему своей новой трагедии «Димитрий Самозванец»: «Я приемлю смелость послати к вам новосочиненную мою траге-

---

[38] Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга Ч 1 С. 167
[39] Там же
[40] *Сумароков А П* Полн собр всех соч Ч X С 158
[41] Письма русских писателей XVIII века Л , 1980 С 115